

ДЖ. ЧАКРАВОРТИ

«Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» Кальханы*

«Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» — два выдающихся поэтических произведения XII в. Поэма Кальханы была закончена около 1150 г. н. э. Ее автор был очевидцем и современником событий, описанных в этом большом поэтическом произведении, состоящем из восьми песен. Герой «Слова», Игорь, бежал из вражеского плена в 1186 г., и автор описывает битвы как очевидец — вероятно, он тоже закончил свою поэму вскоре после описываемых событий. «Раджатарангини» Кальханы — большая по объему поэма. Она относится к санскритскому эпосу и традициям Пураны и охватывает огромный временной промежуток от мифического прошлого до более близкого настоящего. Содержание «Слова» связано в основном с героическими деяниями Игоря и его дружины, оно меньше по объему. Оба произведения близки к традициям поэзии бардов и, хотя по форме они сильно стилизованы, восходят к более ранним устным традициям и народным обычаям; и та, и другая поэмы в значительной степени опираются на непосредственный опыт авторов при описании некоторых событий. Оба повествования время от времени оживляются с помощью введения драматических эпизодов и свободного использования диалогов и монологов.

Автор «Слова», как и подобает национальному барду (народному поэту), начинает с обращения к слушателям: братья («Не льпо ли ны бяшетъ, братие»), и Кальхана также использует слово *bhrātah*, или брат, в своем Прологе. То, что бард, или поэт-певец, берет на себя миссию представителя всего народа, является сущностью устной эпической традиции, и даже если поэт принадлежит к королевскому (княжескому) двору, эта близость отходит на задний план перед его назначением в качестве *voх роролі*, или гласа народа. Комментарии и жалобы (плачи), широко используемые автором, свидетельствуют о чувствах радости и страдания, разделенных с народом.

Самым поразительным в этих двух поэмах представляется то, что оба автора экспериментировали с приемом «преодоления времени». Такой прием (техника) стал весьма популярен лишь в наши дни в кинематографии. Удивительно, с какой легкостью и мастерством используют средневековые поэты такие приемы современного кино, как «обратный кадр», «изменение ракурса», «монтажный кадр» и «крупный план».

В ограниченных пределах своих поэм авторы попытались создать впечатление гораздо большей протяженности во времени. Что касается Кальханы, который был также и летописцем, то необходимость вести длительный и непрерывный рассказ о происходящих событиях лишала его возможности сосредоточиться на каком-нибудь одном из них или на каком-

* Публикация доклада, прочитанного профессором университета (г. Калькутта) Дж. Чакраворти в Москве в январе 1986 г. на Международной конференции, посвященной «Слову о полку Игореве». Пер. с англ. Л. В. Азаровой (Ред.).

нибудь определенном веке, поэтому он назвал свою поэму «Раджатарангини», или «Вереница (поток) выдающихся личностей — членов королевской семьи». Но даже при такой композиции он неоднократно переносит действие из одного момента времени в другой или рассказывает о событиях минувших дней так, как будто они составляют часть нашего теперешнего сознания. При этом мифы, легенды и просто разного рода истории свободно переходят друг в друга, и в результате все это соприкасается с вибрирующим, неуловимым настоящим. В отличие от древних эпосов и пуран автор «Раджатарангини» знал разницу между легендой и историей, хотя он весьма щедро оснастил свою поэму всевозможными старинными легендами и преданиями. Как поэт он понимал, что, для того чтобы читатели оценили факты по достоинству, их надо изложить в художественной форме. Автор «Слова», с другой стороны, не был ограничен требованиями, предъявляемыми к большой хронике, и поэтому с легкостью мог пренебречь древними мифами. Но он так не поступил. Такой великолепный поэт, как он, также не мог не знать, что факты должны предстать в художественной форме, чтобы их оценили по достоинству. Следовательно, он понимал, что нужно расширить замысел поэмы, украсив голые факты описанием сказаний и легенд. Упоминание событий и имен, относящихся к прошлому, часто служит символом и помогает воображению читателя уйти далеко за пределы известного и знакомого.

Ученые исследовали восточные элементы «Слова» и обнаружили в его уникальном тексте множество слов, принадлежащих к тюркским или монгольским корням (Men g e s K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos: The Igor' Tale «Slovo o Rylku Igorevč». New York, 1954). Но, вероятно, более правильно отнести восточные элементы к санскриту, что станет очевидным, если мы будем их терпеливо отыскивать. Я приведу один пример, который встречается в конце «Слова о полку Игореве»:

Тяжко ти головы, кромѣ плечю,
зло ти тѣлу, кромѣ головы,
Руской земли безъ Игоря.

Следующие слова демонстрируют поразительное соответствие, и с помощью такого ключа может оказаться совсем нетрудно расшифровать поэму как изумительный восточный текст, до сих пор не раскрытый: *ти* — санскр. tvā (тебе); *головы* — санскр. gala (шея); *плечю* — санскр. phalak, aṁsaphalak (плечо, лопатка); *зло* — санскр. jvalā (жгучий, пагубный); *тѣлу* — санскр. (gā)tra (тело); *кромѣ* — санскр. kr(n)t (отделять, отрубать), и т. д.

Может оказаться интересным тщательное изучение и сопоставление имен, действующих лиц и мест в обеих поэмах. Приведу один пример. В «Слове» есть отрицательный персонаж по имени Гзак:

А не сороки втрескоташа —
на слѣду Игоревъ
ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ.

Сороки — санскр. Sakoṭī. В «Раджатарангини» также есть отвратительный персонаж по имени Gazzaka (VIII.530) времен правления Сусалы (1112—1120 н. э.):

Sule vyāpādītā Gazzakādayo drohasamsritāḥ

(Gazzaka и другие, замешанные в измене, были привязаны к столбу и убиты.)

Кроме филологических соответствий, имеются также литературные параллели, которые можно проследить в русском и санскритском текстах.

Русская земля без Игоря была очень поэтично описана автором в приведенных выше строках. В шестой песне «Раджатарангини» Кальхана описывает отсутствие Нараваханы следующим образом:

Śaśihīneva rājanī
Satyatyakteva bhārati
Virarāja na rājaśīr
Naravāhana varjitā

(Словно ночь, разделенная с луной, словно речь, лишившаяся правды, перестала сиять королевская слава без Нараваханы.)

Важная особенность, общая для обеих поэм, заключается в стремлении их авторов наделить природу радостями и печалью, свойственными человеку. Например, в «Слове» мы видим:

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!
Дълго ночь мръкнетъ,
заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла,
щекоть славиѣ успе,
говоръ галичѣ убудися.

И в «Раджатарангини» описание природы, оплакивающей умершего Бходжу, выглядит так:

Lambenduvadanā sāndrā
vaśyā yāmbhośruvarṣiṇī
Rathāṃgākrandinī rātriḥ
saśokevā'tha sā'gamat.

(VII. 1680)

(Затем настала ночь; ее ликом была продолговатая луна, тяжелая и послушная, проливая слезы каплями росы; плач ночи был криком сороки (sakravāka, или sakora)).

Оба автора в полной мере сознавали свое предназначение как народных поэтов и были очень высокого мнения о поэтическом искусстве. Они обладали всей полнотой знаний о традициях более ранних поэтических творений, которым им предстояло следовать и превзойти. Автор «Слова» обращается к Бояну с огромным восхищением, точно так же, как Кальхана обращается к Суврате и Кшемендре. В начале поэмы автор «Слова» говорит:

Боянь бо въщии,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашеся мыслию по древу,
сѣрымъ вѣлкомъ по земли,
пизымъ орломъ подѣ облакъ.
Помняшеть бо, рече,
пѣрвыхъ времянь уособиць.

Кальхана поступает точно так же:

Vistīrṇāḥ prathame granthāḥ
Smṛtyai samkṣipato vacaḥ
Suvratasya prabandhena
Vicchanna rājakathā'srayāḥ.

(I. 11)

(Обширные труды, содержащие отрывки из древней истории правителей, кратко изложены в произведении Сувраты, которое можно здесь вспомнить.)

Kenāpyavavadhānena
Kavikarmaṇi satyapi
Amśo'pi nāsti nirdoṣaḥ
Kṣemendrasya nṛpāvalau

(I. 13)

(Труд Кшмендры, озаглавленный «Перечень властителей», широко известен, но из-за небрежности, допущенной автором, его произведение не избежало недостатков.)

Он добавляет:

Pūrvairbaddham kathābastu mayi bhuyo nibadhnati.

(Я снова возвращусь к теме, к которой уже обращались мои предшественники.)

Кроме того, Кальхана неоднократно упоминает «Махабхарату». Он со всей определенностью утверждает, что не беспристрастный летописец или чистый историк, а только поэт может покорить время с помощью своего искусства:

Ko'nyah kāmatikrāntam
netum pratyakṣatam kṣamāḥ
Kaviprajāpatimstyaktvā
ramyanirmāṇasālināḥ.

(Кто может оживить перед нашими глазами картины прошлых веков, кроме поэта и Создателя, лишь они сами творят произведения искусства.)

Две эпические поэмы — «Слово» и «Раджатарангини» — имеют много общего, хотя они представляют две далекие страны, одну на Севере, другую на Юге, а точнее, на северо-западе и юго-востоке по отношению друг к другу. Эти две страны и их культуры в далеком прошлом принадлежали к одному общему целому, и в древних санскритских текстах мы встречаем бесконечные подтверждения их общих связей. Они считались севером и югом одной и той же огромной территории, заселенной народами, принадлежащими к одной культурной семье. В эпической поэме Кальханы время от времени встречаются ссылки на «Махабхарату». «Махабхарата» описывает войну в Курукшетре между Куру, или Кауравами, и Пандавами. В той же «Махабхарате» мы встречаем упоминание другого района на севере — Северный Куру, народ которого зовется Уттар Кауравы, или Северные Куру. С течением времени те же самые Куру вследствие миграции и разъединения перешли на другое место и стали несколько отличаться от своих сородичей, но общность их культур, традиций и языков, несмотря на все изменения и заимствования, все же можно установить. Таким образом, Уттар Кауру и (Дакшина) Куру сохранили свои культурные связи в течение долгого времени. Уттар Кауру также были известны под именем Курупаннала. Есть свидетельства, где восхваляются обе эти области. В «Шатапатхабрахмане» мы читаем:

Udīcīmeva diśam pathyāsvastyā prajānam
stasmadatrottaraḥ hi bāg vadati kurupāñcalatra.

(3.2.3.15)

(Они узнали северную область с помощью Патхья-свасти. Говор людей, живущих в Курупанчале, звучит более резко.)

В «Айтарее» Брахмана описание Айндра Махабхишека выглядит так:

Tasmādetasyāmudicyāṁ diśi ye ke ca
pareṇa himavantam janapadā uttarakurava
uttaramadrā iti vairājyā yaiva te'bhiṣicyante.

(Итак, к дальнему северу через Гималаи и области Уттар Кауру и Уттар Мадра. Их правители имеют право короноваться как *bīrāṭ*.)

Некоторые ученые считают, что Северные Куру селились в Кашмире, а позднее они продвинулись к югу в район Пяти Рек и переименовали эту область в Курукшетру.

В «Махабхарате» упоминаются три страны, названные в честь Куру — Куруджамгала, Куру и Курукшетра, — о которых говорится, что они процветали. Куру здесь относится к Уттара Куру:

Tesu trisu kumāreṣu/jāteṣu kurujāṃgalam
Kuravo'tha kuruksetram
trayametadavardhata.

(1.103.1)

(После рождения трех принцев все три страны (Куруджамгала, Куру, или Северный Куру, и Курукшетра) процветали вместе.)

Одновременное упоминание трех наименований ясно указывает, что между ними существовали торговые и культурные связи. Это подтверждается еще одним упоминанием в «Махабхарате».

Uttaraih kurubhih sārddham
dakṣiṇāh kuravastathā
Vispardhamānā vyacarami
stadā siddharṣi cāraṇaih.

(1.102.10)

(В те дни народ южного Куру жил в дружеском соперничестве с сиддхами, мудрецами и бардами Северного Куру.)

Мы встречаем подобные упоминания об Уттара Куру в «Рамаяне», в «Хариванше», и, конечно, очень подробно об этом говорится в «Вишнупуране». В «Вишнупуране» есть поразительное утверждение:

Uttarāh kuravaścaiva
Yathā vai bharataṃ tathā.

(2.2)

(Уттара Куру и Бхаратиды очень похожи.)

Автор древнего эпоса имел в виду, что два народа похожи потому, что на самом деле они принадлежали не к разным народам, а были братьями одной семьи.

Через много лет, когда забылось историческое прошлое, а старые связи отошли в область туманных воспоминаний, мы неожиданно находим в XII веке две великие эпические поэмы, одна из которых принадлежит Уттара Куру в России, а другая — Дакшина Куру в Индии; одна называется «Слово о полку Игоре», другая — «Раджатарангини».